

Т.В. Марченко

АЛЯ РАХМАНОВА:
РУССКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА
КАК ФЕНОМЕН НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Stahr I. Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa. Ein Leben. Mit 58 Abbildungen. — Wien: Amaltea, 2012. — 240 S.

<Тайна молочницы из Оттакринга. Аля Рахманова. Жизнь. — Вена: Амалтеа, 2012. — 240 с.: ил.>

При поиске заглавия для настоящего материала было очевидно, что судьба нашей героини настоятельно требует оксюморного определения.

Несчастливая счастливая жизнь.

Знаменитая неизвестная писательница.

Цельная натура и противоречивая судьба, в которой была не одна, а несколько эмиграций. Последнюю Ильзе Штар, автор единственной книги об Але Рахмановой, образно назвала «эмиграцией забвения» ([Stahr 2012, S. 219], далее ссылки на страницы рецензируемого издания указываются в тексте в круглых скобках).

Вольфганг Казак, внимание которого привлекла необычная писательница, посвятил ей ряд заметок в немецкой и швейцарской периодике. Отметив блестящий дебют Али Рахмановой и ошибочно отнеся его к середине 1920-х гг., крупнейший немецкий знаток русской литературы XX в. так определил главную особенность ее литературной судьбы: «Ни одна из <...> книг Р<ахмановой> никогда не выходила на русском языке, они переводились ее мужем с русского оригинала и были слегка отредактированы (например, изменение имен¹). Все переводы (а книга переведена на 21 язык) основываются на немецкой редакции текстов. В 30-х годах Р<ахманова> была одной из наиболее читаемых русских писательниц...» [Казак 1988, с. 636]. Речь идет о рецепции уникальной: Аля Рахманова существовала только на немецком языке, ее читали только в переводах; о ней почти не знали в русской эмиграции, не говоря об СССР. Не знают до сих пор, и те из русских читателей, кому довелось читать книги Али Рахмановой, читали их по-немецки.

Подчеркивая «особое положение» творчества Али Рахмановой в истории литературы, Г. Риггенбах и Р. Марти отмечают: «Хотя оно и было творчеством русской изгнанницы, однако не принадлежит к собственно литературе русского зарубежья,

---

¹ Новые имена биографическим персонажам присваивала сама писательница.

поскольку оно получило широкое признание не на русском языке, на котором создавалось, а в немецких переводах ее мужа <...>. Но действительно и обратное утверждение, если рассматривать творчество Рахмановой в контексте немецкой литературы. Это особое положение <...> приводит к тому, что ее можно найти как в русских, так и в немецких справочниках» [Riggenbach, Marti 2008, S. 197].

До войны у Али Рахмановой была настоящая слава; некоторая известность есть и сейчас — писательница не так популярна, как в межвоенное время, но интерес сохраняется, ей посвящают публикации и музейные выставки, понемногу переиздают самые прославленные книги, в том числе и в переводах. Архив А. Рахмановой сохранился и описан [Riggenbach 1998; 2010]². В каталоге Немецкой национальной библиотеки можно почерпнуть информацию о новейших переизданиях книг Али Рахмановой, легендарной в немецкоязычной читательской аудитории. Если говорить только про последние несколько лет, то вышеупомянутая «Молочница» вышла в 2013 г. по-немецки пятой допечаткой тиража [Rachmanowa 2013] и в переводе на словацкий язык [Rachmanová 2013]. С венского издания [Rachmanowa 2006] был сделан и выпущен французский перевод [Rachmanova 2010]. Интерес именно к этой книге не случаен — о советской России, о сталинизме, о «большом терроре» за последние десятилетия появилась обширная литература, а опыт русской эмигрантки востребован как никогда, если учесть, сколько просто русских, и русских немцев, и граждан со всего постсоветского пространства проживают в нынешней Европе.

В Берлине, в Мемориальной библиотеке³, находящейся в Nikolaiviertel — единственном уцелевшем старинном квартале прусской столицы, буквально переполненном культурно-исторической памятью, действует небольшая постоянная экспозиция «Утопия и террор. Аля Рахманова и Александр Солженицын»⁴. В библиотеке представлены книги и периодические издания, которые прямо отвечают ее главному назначению — собрать материал о «жертвах сталинизма». Это общедоступная библиотека (даже не городская, а районная) с упором на «антисоветскую» литературу или, отходя от пропагандистских штампов, на оппозиционную литературу эпохи социализма и об эпохе социализма. Речь прежде всего идет о ГДР; Советский Союз и — как его идейный оппозиционер — эмиграция занимают в библиотеке далеко не центральное место, хотя и представлены весьма разнообразно.

Беспрецедентно, что в библиотеке, обращенной прежде всего к национальной памяти, к недавней немецкой истории, музейно-мемориальные экспозиции отданы именно русским писателям. Имя Александра Солженицына во всем мире стало символом борьбы с тоталитарным режимом, и то, что ему посвящена персональная выставка, неудивительно. Второе имя незнакомо русскому посетителю. Две личности — вернее экспозиции, им посвященные, соединяет агитлестница между этажами, с фотографиями красноармейцев в пыльных шлемах и функцио-

² См. также: http://www.kantonsbibliothek.tg.ch/documents/Riggenbach_Nachlass_Rachmanowa_2010.pdf

³ Gedenkbibliothek zu Ehren der Opfer des Kommunismus (Мемориальная библиотека памяти жертв коммунизма), см.: <http://www.gedenkbibliothek.de>

⁴ Utopie und Terror. Alja Rachmanowa und Alexander Solschenizyn. Ausstellung der Gedenkbibliothek zu Ehren der Opfer des Kommunismus/Stalinismus, Berlin: <http://gedenkbibliothek.de/index.php?mid=ausstellungen>

неров Чека. Цель достигнута — поневоле вздрогнешь, когда вдруг на повороте узкого пролета взгляд упирается в дула винтовок и зловещую надпись по-немецки: «К стенке! Расстрелять!» Сконцентрированная в плакате ненависть кажется и порождением тоталитаризма, и художественным ответом на него.

Но на третьем этаже тональность совершенно иная, и многочисленные фотографии одной женщины в разные эпохи ее жизни предварены, словно девизом, словами: «Не нужно ненавидеть, нужно только любить». Лицо — очень самобытное, с яркими азиатскими чертами, подчеркнутыми резкой линией стрижки, — совершенно незнакомо. Аля Рахманова — автор девятнадцати книг [Rachmanowa 1931; 1932; 1933a; 1933b; 1933c; 1935; 1937; 1939; 1947a; 1947b; 1950; 1951; 1952; 1954; 1957; 1961; 1963; 1964; 1972]. Написанные в оригинале по-русски, первым изданием все они выходили на немецком языке в течение нескольких десятилетий, с 1931 по 1972 г., с понятным, хотя особым образом объясняемым перерывом в 1940–1946 гг. Кто же эта знаменитая писательница, которую никто не знает на родине, в России, тогда как посвященная ей мемориальная выставка развернута в самом сердце Берлина, рядом с солженицынской экспозицией?

В стеклянных пеналах висят штабелями книги Али Рахмановой; лежат так, что их не снимешь, как с книжной полки, не пролистаешь. Создатели выставки в Мемориальной библиотеке берлинского Николаифиртеля, Глория Моснер (Moschner; Цюрих) и Ильзе Штар (Stahr; Зальцбург), стремились прежде всего познакомить публику с необычной судьбой Али Рахмановой, почти невероятной даже на фоне удивительных биографий XX в., формально приурочив открытие экспозиции к выходу первой книги писательницы — «Студенты, любовь, Чека и смерть» [Rachmanowa 1931]⁵.

Текст — слегка беллетризованную биографическую канву⁶ — подготовила для выставки Ильзе Штар. Психолог по профессии, она около полувека прожила не просто с доброй памятью о прочитанных в отрочестве книгах. Написанные в дневниковой, т. е. в предельно откровенной жанровой форме, томики Али Рахмановой заменили ей Евангелие у изголовья кровати. История австрийской девочки, всю жизнь находящейся под впечатлением и влиянием книг русского автора, — драгоценное и редкостное свидетельство того, как созданный русским человеком на чужбине текст (хотя бы изданный и прочитанный не на языке оригинала) формирует личность европейца. Судя по «Тайне молочницы из Оттакринга», таких европейцев — и прежде всего европейек — оказалось очень немало.

«Тайна молочницы из Оттакринга» И. Штар написана без претензий на научную биографию Галины Дюрягиной-фон Хойер. Более того: подзаголовок «Аля Рахманова. Жизнь» указывает на то, что героиней биографического повествова-

⁵ Уже в следующем году понадобилась допечатка тиража; 2-е и 3-е издания вышли в том же издательстве Антона Пустета в 1932 г. Двадцать лет спустя то же издательство выпустило книгу 37-м изданием; до войны было напечатано 32 тиража; последний появился в 1938 г., перед самым аншлюсом Австрии гитлеровской Германией.

⁶ Поскольку биографические сведения об Але Рахмановой доступны в Интернете на различных сайтах, в настоящем обзоре мы остановимся только на самых важных, наиболее впечатляющих эпизодах этой неординарной жизни.

ния становится не реальная женщина и что основано оно не на сугубо документальной фактографической основе. Ильзе Штар создает биографию именно Али Рахмановой, восстанавливая жизнь писательницы по ее собственным книгам, которые хотя и основаны на личных дневниках, принадлежат, однако, области чистой беллетристики, а не документалистики.

«Ответственным счастьем» назвала одна из корреспонденток Ильзе Штар возможность получить в личное распоряжение архив Али Рахмановой (S. 5). Не совсем архив — а часть архива. Прочитав в газете о кончине любимой писательницы своей юности, И. Штар решила навестить ее могилу. В Эттенхаузене (кантон Тургау, Швейцария), где до глубокой старости дожила Аля Рахманова, выяснилось, что супругов, составлявших оригинальный литературный симбиоз, перезахоронили в Зальцбурге в семейной усыпальнице фон Хойеров, а в их доме «полным ходом шла уборка». «Официальная часть наследия» уже была отправлена в кантональную библиотеку Фрауэнфельда: «То, что еще осталось, должно было пойти на свалку. У дверей громоздились горы старых газет, ящики и коробки, и сверху скворечник, который я “спасла” и который с тех пор висит у меня на балконе» (S. 10).

Такое очень личное и совсем не «научное» отношение к вещам и бумагам писательницы и предопределило стиль биографического повествования. В его основу легли прежде всего книги Али Рахмановой. Вот как описывает те документы, на которых базируется ее монографическое повествование, сама автор: «Я последовательно собрала большой ящик “зальцбургских писем”, слайдов, фотографий, газетных вырезок и много чего еще...» (S. 10–11). В процессе обработки этого материала — без знания автором русского языка! — и возникла рецензируемая работа, цель которой — «пробудить воспоминания об Але Рахмановой или привлечь к ней внимание» (S. 11). Адресовано издание немецкоязычной аудитории, в которой все еще живы и память о писательнице, и интерес к ее книгам, о чем свидетельствуют переиздания.

«Жизненный путь героини романа» — так называется вступление к книге и так можно определить ее жанр. Ильзе Штар не берет на себя труд быть историком литературы и биографом любимого автора: она пишет как журналист-любитель, используя весь доступный ей массив источников без критической систематизации — письма так письма, романы так романы. Доля справедливости в этом есть, поскольку дебютная автобиографическая трилогия Али Рахмановой «Симфония жизни» основана на ее «русских дневниках» и состоит из трех частей: «Студенты, любовь, Чека и смерть», «Браки в красную бурю» [Rachmanowa 1932] и «Молочница из Оттакринга» [Rachmanowa 1933]. «Поскольку трилогия представляет собой “дневниковый роман” от первого лица, неизменно возникает вопрос об идентичности писательницы и персонажа романа, о его вымышленном и реальном содержании» (S. 104). Более того, размышляет И. Штар, при подчеркнутой автобиографичности книг Али Рахмановой речь идет о триединстве автора, рассказчицы и героини. Издательство, преследуя свои выгоды, рекламировало ее книги как документальную прозу, тем более что повествование и велось в дневниковой форме. И читатели, и критика воспринимали книги Али Рахмановой как подлинное

свидетельство пережитого в пореволюционной России и в Вене в конце 1920-х гг., где писательница — жена австрийского подданного фон Хойера — была прежде всего русской эмигранткой и должна была бороться за жизнь.

Ильзе Штар не интересуется вопрос, где проходит граница между правдой и вымыслом в романах-дневниках Али Рахмановой (в отличие от решающих именно этот вопрос литературоведов, см.: [Gebauer 2004]). Три фазы ее жизни — в России, в Австрии и в Швейцарии — документированы и воссозданы в книге по-разному: «Для лет, проведенных в России и отмеченных большевистским террором, ключом к поиску следов стали два первых тома дневников (из всего дневникового массива утрачен русский оригинал именно этих двух томов. — Т.М.). Время в Австрии, омраченное национал-социализмом и Второй мировой войной, — это, собственно, часть краеведения и может быть почти детально прослежено по местным газетам. Для описания последней поры жизни, проведенной в изгнании, служат письма и неопубликованные записки» (S. 14).

Жизнь Галины Дюрягиной-фон Хойер — Али Рахмановой разделена самим временем и перипетиями личной судьбы на три части. В соответствии с биографической хронологией трехкратно построена и книга: «Россия 1898–1925», «Австрия 1925–1945» и «Швейцария 1945–1991».

Жизни в России — рождению, учебе, замужеству — уделено меньше всего места, потому что у Ильзе Штар либо не было документальных источников, либо она не могла перевести без помощников с русского языка все сосредоточенные у нее в руках материалы (так появляется в подписи к фотографии матери «Серафима Тимотева»). Родилась Галина Дюрягина в 1898 г. в г. Касли Екатеринбургского уезда Пермской губернии, была одной из трех сестер. Самым главным, судьбоносным — без преувеличения — событием детства стало ведение дневника. С шести лет. Дневниковым тетрадям Аля Рахманова (так будет справедливо называть ее и нам) поверяла всю свою жизнь, вела записи во все времена и во всех обстоятельствах, спасала их при обысках и сумела, проложив страницами дневника томики русской классики, вывести за рубеж. Записывая, она обретала и оттачивала стиль, превратив в конце концов свое увлечение в профессию, в средство существования.

Без конкретики документов, прежде всего писем, образы родных в «Тайне молочницы из Оттакринга» туманятся, словно призраки, а между тем, судя по обмолвкам автора, переписка с сестрами велась чуть не до войны. О конкретных чертах жизни пермской преуспевающей семьи больше говорят непостижимым образом сохранившиеся и проиллюстрировавшие издание фотографии. Уже на них явно проявляется склонность юной Галины к романтическим позам; позже, в Австрии, Аля Рахманова найдет нужный образ — прическу, позу, — и облик окажется ярким, мгновенно узнаваемым, ни на кого не похожим. Был придуман не только псевдоним — была создана поистине целостная романная героиня, alter ego автора. Постепенно ассоциация автора и героини привела к полному замещению героиней реальной женщины; Галина Дюрягина-фон Хойер, вместе со всей своей семьей (место реальных Арнульфа и Александра заступили Отмар и Юрка) и даже с домашними питомцами [Rachmanowa 1963], растворилась в блестяще придуманной и великолепно смоделированной Але Рахмановой.

Отметим — помимо пристрастия к ведению дневника — еще одну особенность в воспитании и образовании Али Рахмановой. Музыка, языкам, этике и какой-то общей эстетике жизни учили девочек во всех благополучных, достаточных семействах рубежа веков. Но мать Али, Серафима Тимофеева (Тимофеевна?), сама получившая великолепное домашнее образование и не имевшая возможности продолжить его на Урале, где она жила, внушила дочери необходимость дальнейшего обучения и развития. В 1916 г., в год окончания Алей гимназии, в Перми был открыт университет — первое высшее учебное заведение на Урале. Дополним сведения, отсутствующие или изложенные неточно И. Штар. Из трех факультетов выбор будущей писательницы пал на историко-филологический. В 1916/17 г. Аля училась в Пермском отделении Императорского Петроградского университета, со следующего учебного года — в реорганизованном декретом Временного правительства Пермском университете. Однако продолжить образование ей пришлось в Восточно-Сибирском университете в Иркутске, также организованном Временным правительством (в 1917 г.).

В Иркутск (где в противостояние белых и красных вмешалась еще и третья сила — чехословацкий корпус) семья Дюрягиных попала, решившись бежать от красного террора, но непрактичность, общая паника, тиф не позволили им соединиться с отходившими частями армии Колчака и эмигрировать из страны. По словам И. Штар, в Иркутске Аля Рахманова изучала психологию, особенно интенсивно занимаясь женской темой (S. 48). В университете было всего два факультета — юридический и историко-филологический, однако в роли организатора и первого ректора этого сибирского вуза выступил известный психолог М.М. Рубинштейн, что, возможно, сказалось на хорошо поставленном преподавании именно психологических дисциплин.

Затем отец, вероятно, вновь опасаясь ареста, повез семью в Омск. Там Аля Рахманова познакомилась «с одним немцем» — австрийским подданным Арнульфом фон Хойром (1891–1970), военнопленным (с 1915 г.), волею обстоятельств оставшимся в России, завершившим образование и ставшим дипломированным преподавателем немецкого языка, а затем доцентом кафедры общего языкознания — уже в Перми. В Пермь семья вернулась, когда поженившаяся в 1920 г. пара ждала ребенка. Там родился сын Александр, там Аля Рахманова завершила наконец свою учебу и работала в библиотеке. При регистрации брака возможность для супруги интернированного «немца» взять его гражданство и стать австрийской подданной была советскими властями исключена. Напротив, А. фон Хойеру предстояло сделать выбор — навсегда остаться в СССР, на что он решил без колебаний. Единственное, чем эта семья отличалась от очень многих семей, — это абсолютное гармоничное счастье, и, несмотря на все перипетии исторической эпохи, безоблачное, невероятное счастье продолжалось ровно четверть века. И всего пять лет — в России. В 1924 г. Арнульф получил командировку за границу — Варшава, Берлин, Вена; поехали всей семьей и — неслыханно! — всей семьей через положенные четыре месяца вернулись. Удар настиг еще несколько месяцев спустя, но этот удар носил странный, милосердный характер: семье было предписано в течение месяца оставить СССР навсегда. Дневники были вывезены

уже в первую поездку; рукопись совместного труда — «Литературная и духовная история России XIX в.», как и многое, многое другое, пришлось просто сжечь.

В феврале 1925 г. семья покинула родину жены и отправилась на родину мужа, но, по сути, в никуда: А. фон Хойер родился в Австро-Венгерской империи, в Черновцах, а вез семью в столицу Австрийской республики, где у него не было ни родных, ни знакомых.

«С этого дня, — пишет об Але Рахмановой И. Штар, — она принадлежала к “русским без России”... Обычно русским приписывают глубокую любовь к родине... в глубине души и Аля Рахманова оставалась до самой смерти крепко связанной с родиной. Она создала себе искусственную русскую обстановку со множеством икон, слушала в основном русскую музыку, а в общении с мужем была верна русскому языку. Она неизменно писала по-русски и только после смерти мужа стала вести дневниковые записи по-немецки. Будучи эмигранткой, она старалась интегрироваться в Австрию, пока ей не пришлось столкнуться с тем, что она и ее книги “нежелательны” (во время гитлеровской оккупации. — Т.М.), что Красная армия вошла и в эту страну⁷ (после войны Зальцбург стал центром американской оккупационной зоны. — Т.М.) и бегство для нее единственный выход» (S. 70).

Вагоны для скота, тифозные бараки, строительный вагончик, где началась ее семейная жизнь, — чего, казалось, не извела молодая женщина на родине в дни «красной бури»? Но венские мытарства оказались не менее тяжелыми, хотя семье и не грозили арест, расстрел... Аля Рахманова владела немецким на бытовом уровне и найти работу по специальности не могла; ее муж имел диплом... советского вуза. Его, участника войны, прошедшего плен, чистокровного австрийца, на работу не брали. О нострификации его документов об образовании не шло и речи, курс обучения, хотя и экстерном, пришлось преодолевать заново. В Австрии, обломке от развалившейся империи Габсбургов, жизнь была нелегкой, безработица — высокой, нравы — лишены сентиментальности: «Многих встречали близкие. Нас никто не ждал, мы не знали, куда нам идти. Мы добрались до ближайшего к вокзалу парка и сели на лавочку» (S. 73).

Так появилась молочница из Оттакринга: в аренду взяли маленькую лавочку, где торговали не только молоком, но и всеми продуктами и потребительскими товарами, на которые у окрестных потребителей оказался спрос, — хлебом, спичками, мылом... Что-то вроде современного «мини-маркета» в европейских городах; такой крошечный магазинчик со всякой всячиной традиционно содержат эмигранты, турки или китайцы.

В немецкой традиции высоко чтутся образование и все его степени; выпускник вуза называется «академиком» (вариант в женском роде — *Akademikerin* —

---

⁷ К советской зоне оккупации Австрии относились Бургенланд, Нижняя Австрия, Верхняя Австрия севернее Дуная и восточнее реки Энс, остальные части страны были оккупированы войсками союзников (США, Великобритании, Франции). Зальцбург стал центром американской оккупационной зоны. Вена была первоначально оккупирована советскими войсками, после Потсдамской конференции в августе 1945 г. было проведено деление на пять секторов (центр столицы — «Внутренний город» — управлялся совместно).

на русский язык пока не переводим). И вот два «академика» с энтузиазмом хватаются за молочную лавку, чтобы прокормить ребенка (который тем временем становится «уличным венским мальчишкой») и оплатить комнатуху в бараке для бездомных. Разумеется, «под прилавком» пишется дневник. На этом месте следовало бы отослать читателя к книге Али Рахмановой «Молочница из Оттакринга», где все горести, трудности, печали и радости этого времени нашли самое полное отражение. Но такой книги на русском языке не существует. А существует комплексная литературоведческая проблема, текстологическое решение которой совсем не однозначно: возможно ли издавать Алю Рахманову на русском языке в переводе с немецкого? Не следует ли издать именно ее дневники (сохранились почти все)? Была ли книжная беллетристика, издаваемая под именем А. Рахмановой, только плодом творчества Галины Дюрягиной или неизменно оставшийся в тени Арнульф фон Хойер («пугливый олень», как именovala его — Отмара своих романов — писательница) привносил в немецкий перевод свою долю художественности, интеллектуализма, жизненного опыта и т. д.?

В России супруги писали историю русской литературы, были людьми хорошо образованными и неплохо понимали, как сложно из ниоткуда попасть на немецкоязычный книжный рынок. Речь не о достоверности содержательной стороны книг Али Рахмановой — речь об их авторе. Возможно, проблему нужно ставить не как триединую (как предлагает Ильзе Штар) — единство писательницы, рассказчицы и героини, а как проблему четырех единств, с присоединением такой важной и неизменно затененной фигуры, как переводчик, А. фон Хойер. Ведь успех пришел к Рахмановой на немецком языке. И в этом случае Аля Рахманова — псевдоним сразу двух сочинителей, автора оригинального текста и его переводчика, не реальная женщина-литератор, а плод создания творческого тандема, в каком-то смысле — литературная мистификация?

Кстати, закрывая венскую страницу биографии семьи: эксперимент с «гешештом» длился всего год, в 1927 г. лавку продали, и литературная пара с сынишкой вскоре перебралась в Зальцбург, где работу гимназического преподавателя получил муж Али Рахмановой. Если первый роман мгновенно сделал ее имя известным, то через два года «Молочница из Оттакринга» разошлась в количестве 600 тысяч экземпляров (!) и принесла автору «сенсационный успех» (S. 82). Тогда же, в начале нового века (И. Штар не называет год) на стене дома по Хильдебрандгассе, 16 поклонники писательницы установили мемориальную доску: «На этом месте стоял дом, в котором в 1926/1927 Александра фон Хойер (1898–1991) владела универсальным магазином, который и увековечила под литературным псевдонимом АЛЯ РАХМАНОВА в своем документальном романе “Молочница из Оттакринга”». Достоянная память, хотя и с неизбежными перегибами (универсальный магазин!) и ошибками (подмена имени псевдонимом). В 1995 г., когда к 125-летию Бунина на улице Жака Оффенбаха, 1, где жил писатель, открывали мемориальную доску в его честь и я позволила себе помечтать о подобных табличках по всем важнейшим адресам русской эмиграции в Париже, тогдашний мэр 16-го округа даже засмеялся: «Деточка, в Париже перебивало столько знаменитостей, что под памятными досками стен не будет видно!» Видимо, в Вене жило и обессмертило

ее в книгах не так много знаменитостей. Или просто память австрийцев оказалась благодарнее.

Целительным и безмятежным был зальцбургский период семейства фон Хойеров. Жизнь сначала наладилась, постепенно стала достаточной, а затем благополучной, полной и прекрасной. Тиражи книг Али Рахмановой распахнули перед фон Хойерами мир путешествий, часто на собственном авто; из маленького домика переехали на трехэтажную виллу, и счастье, пережитое маленькой семьей, под пером Ильзе Штар приобретает зримые черты земного парадиза, каковым предвоенная Европа могла казаться только очень, почти безмерно счастливым людям. В «австрийской» части книги, совершенно лишенной хронологической последовательности в изложении событий из биографии Али Рахмановой, рассказывается об успехе ее книг, их издании и переиздании, о ее литературных турне. На чем зиждился успех этих книг? «Кто — особенно в юности — прочел описания русской революции, обстоятельств жизни этой женщины, не мог их уже никогда забыть, — заверяет Ильзе Штар, сама всю жизнь прожившая под обаянием творчества Али Рахмановой. — <...> С этими книгами обращались как с сокровищем, их сберегали в трудные времена» (S. 104). Широкий успех книг И. Штар объясняет тем, что восхищение от них передавали из уст в уста, и эта устная пропаганда, которую — из-за интеллектуального предмета сообщения — никак нельзя перевести как «сарафанное радио», действовала лучше всех издательских рекламных ухищрений.

«Романная героиня “Аля”, которую идентифицировали с автором, скоро стала образцом жизненного мужества и воли к жизни» (S. 104). Кроме того, книги хорошо воспринимались в религиозных кругах, поскольку были основаны на христианском мировоззрении, христианской морали. Любопытно отношение к вере самой Али Рахмановой. Крещенная в православии, глубоко религиозная — а в трудные времена религия становилась для многих эмигрантов спасением и поддержкой, — Аля Рахманова... нет, все-таки Галина фон Хойер перешла в католицизм. Между тем в доме ее окружала православная религиозная символика (уже упомянутые многочисленные иконы), и, судя по всему, для нее не было большой разницы, на каком языке и по какому обряду молиться Христу. Она не была ни вероотступницей, ни экуменисткой; став австрийкой, она ходила в ту церковь, которая окормляла ее приход (Andrä Pfarrkirche). Так некогда немецкие принцессы, ожидая венчания с русскими царевичами, переходили в православие и порой даже становились его ревностными поборницами.

Книги Али Рахмановой можно подразделить на две части. Первую составляли романы (не обязательно в дневниковой форме) о России в революционный период (трилогия «Симфония жизни» и роман «Фабрика новых людей»). Надо отдать должное писательнице: она не упивалась изображением ужасов гражданского противостояния, террора, разрухи и под. Она скорее показывала, как меняется человек при тяжелых, вернее, невыносимо тяжелых жизненных условиях, как быстро он теряет те основы духовности и морали, которые впитал с молоком матери и на которых столетиями стоял русский мир, и как ничтожно малы и уродливы те эрзац-идеалы, которые навязывает всему населению огромной страны новая

власть. Роман Али Рахмановой «Фабрика новых людей» был удостоен в 1936 г. первой премии на «международном конкурсе за лучший противобольшевистский роман, организованный католической академией общественного воспитания и сотрудничества в Париже» [Переписка П.Н. Краснова 2013, с. 133]⁸. На том конкурсе Аля Рахманова обошла роман П.Н. Краснова «Ненависть»; может быть, потому, что в ее романе речь шла только о любви?

С точки зрения программы конкурса объяснения Краснова выглядят следующим образом: «В романе Рахмановой, получившем первую премию, нет ни слова о католицизме или католической религии, <...> и моя “Ненависть” насыщена православным духом, но оба эти романа [не] отвечают на заданную тему показать разрушительное действие большевизма на религию, семью и государство. Романы же Лукаша и Таманина <...> ничего этого не дают и мало говорят о *вреде* большевизма» [Там же, с. 132].

«Фабрика новых людей» действительно полностью соответствует описанной Красновым программе; более того, она тоже «пропитана православным духом». И вместе с тем это пронзительный рассказ о любви, которая в новом прекрасном мире является в грубом, жалком, даже мерзком облики, о любви, которая не может пробиться сквозь наслоения идеологической чепухи, о любви, которая все-таки становится спасением и рождает в коммунисте — нового человека... Но в тот момент, когда нестигаемый борец за светлое будущее понимает, что без всех косноязычных директив и прочей мишуры новояза (даже в немецком переводе чувствуется близкая Платонову стилистика) просто любит жену и ребенка, его приходят арестовывать. От первой сцены ледохода до последнего эпизода, завершающегося почти евангельской символической сценой, речь в романе идет только о любви. Это хороший, нежный, умный роман о любви; ведь и Евангелие — это благовествование о любви... только как и в евангельские дни, в большевистской России время для нее не слишком подходящее.

Роман Али Рахмановой, появившийся на парижском антибольшевистском конкурсе ниоткуда и победивший так легко, что разобиделись известные в эмиграции писатели [Там же, с. 132–133], уникален не страницами любви, конечно. Уникален авторский опыт Али Рахмановой. Подобный роман не мог появиться ни в эмиграции, ни в советской России. Пережив на родине всё трагическое десятилетие от начала Первой мировой войны до принятия партийной программы о «построении социализма в одной стране» и оказавшись в эмиграции, Аля Рахманова могла писать о тех же явлениях, что и ее выдающиеся соотечественники — А. Платонов, М. Булгаков, М. Зощенко, но совершенно открыто, со всем женским личным чувством, которое у нее вызывали преобразования в отечестве.

⁸ В довольно подробных комментариях к истории с этой премией (так, как она описана в письме Краснова А.В. Амфитеатрову от 15 апреля 1936 г.) Ж. Шерон обошел молчанием А. Рахманову и не привел названия ее романа. При расшифровке текста публикатор, кажется, не достаточно внимательно отнесся и к очевидному нарушению смысла в довольно важном предложении. На наш взгляд, скорее всего, под пером Краснова произошла описка того типа, когда автор начинает писать об одном, но, изменив направление мысли, забывает внести грамматические исправления. Мы цитируем письмо Краснова по публикации в «Новом журнале», заключив в квадратные скобки неуместную частицу «не».

Литераторы эмиграции, даже сочувственно оценивавшие советскую книжную продукцию (Д. Святополк-Мирский, М. Слоним, М. Осоргин), не знали ничего конкретного о жизни в оставленной ими стране. Вспоминается фоторепортаж из Ленинграда в «Иллюстрированной России» примерно того же времени, и выдающаяся ужас ее редакции подпись к одному из снимков: «В советской России граждане не ходят без носков». Ну лето, жарко... однако «бывших» русских, ныне парижан подобное «падение» коробит. Это ничтожная, мелкая деталь, но из таких деталей соткана повседневная жизнь, которой эмигранты не знали, а Аля Рахманова знала хорошо. И в этом смысле было бы весьма ценно сопоставить ее «дневниковые» романы с советской прозой 1920-х гг., выявляя типологически сходные черты и одновременно обнаруживая отличия, подаренные прозе Али Рахмановой столь ценной эмигрантами «свободой».

Здесь возникает еще один вопрос, неотделимый от исследования такого непростого жанра, как дневник. Женской дневниковой прозы русская литература в XX в. знает немало, что поневоле заставляет задуматься над своеобразием природы «женского» творчества. Складывается впечатление, что выдумывание художественных миров и население их вымышленными персонажами «человеческой комедии» не так притягательно для писательниц, как фиксация окружающей жизненной конкретики, которой можно придать то обличье и разукрасить такими красками, как автору-женщине заблагорассудится. Пока писатель занят беллетризацией макрокосма, женщина поглощена внутренним микрокосмом: творя свой мир, сочинитель становится соперником Творца, тогда как женщина-сочинительница обустроивает на своей лад мир, уже созданный Творцом. Вирджиния Вульф, автор «Дневника писательницы», который она сочиняла почти тридцать лет, признавалась: «Все же по-настоящему волнующая жизнь — воображаемая. Как только колесики у меня в голове начинают крутиться, мне не нужны деньги, не нужно платье, не нужны ни шкаф, ни кровать для Родмелла, ни диван» [Вульф 2009, с. 125]. Но если эта захватывающая воображаемая жизнь начинает накладываться на «документальное повествование», приходится быть особенно осторожным. Если исследователям стало наконец ясно, что к «историческим свидетельствам» Н.Н. Берберовой или И.Г. Одоевцевой надлежит подходить *cum grano salis*, то дневниковую достоверность Али Рахмановой тоже не стоит абсолютизировать.

«Говоря о произведениях Али Рахмановой, — замечает Ильзе Штар, — следует все время иметь в виду, что изменением имен, смещением дат или маскировкой места действия она хотела защитить от преследований свою семью в России» (S. 106). Но тщательному изучению романы А. Рахмановой в сопоставлении с лежащими в их основе русскими дневниками пока не подвергались, только некоторые неточности были выявлены Г. Риггенбахом, описавшим архив Рахмановой, и ее переводчицей на французский язык Ш. Ле Брен Керис (S. 107). Во всех биографических очерках, посвященных Але Рахмановой, ее отец фигурирует как врач, поскольку с этой профессией он выведен в романах-дневниках писательницы. Однако известно, что это очередное «запутывание следов», а настоящая профессия отца по-прежнему остается невыясненной, но эту лакуну, вероятно, легко могли бы восполнить каслинские краеведы.

Дневники, написанные в противоречивые моменты истории, особенно во времена идеологического противостояния мощных государственно-политических сил, могут подвергнуться манипулированию. Поскольку дневник, который ведется в тяжелых обстоятельствах, обладает сильнейшим воздействием — особенно, если его ведет женщина, даже девочка, Таня Савичева или Анна Франк, то всегда существует соблазн использования его в пропагандистских целях. Аля Рахманова и ее муж смирились с установившимся в России большевистским правлением, никак не проявляли свою оппозиционность и даже «вписались» в советскую жизнь. У обоих была работа — университетского преподавателя и библиотекаря, оба выбрали возвращение в СССР после длительной командировки в Европу, в том числе посетив родину предков Арнульфа фон Хойера. Дневник, однако, наполнен критическими замечаниями, дневнику поверяется то, что нельзя сказать вслух, и простая фиксация череды событий, запись разговоров и комментарии к ним могут звучать резко антибольшевистски. Но именно подобный антисоветский, антикоммунистический пафос и был востребован в Германии 1930-х гг.

К тому времени Аля Рахманова перешла к книгам на совсем другие темы. Вторая, большая часть творчества писательницы связана с ее филологическим образованием. Еще до войны она написала несколько литературно-биографических или, если это позволит уточнить специфику жанра, историко-психологических книг («Вера Федоровна» о Комиссаржевской и «Трагедия одной любви» о взаимоотношениях Л.Н. и С.А. Толстых). После войны биографические портреты русских писателей стали основной продукцией А. Рахмановой (книги о Пушкине, Тургеневе, Достоевском, Чехове), но интересовали ее и прославленные женщины — Софья Ковалевская и княжна Тараканова, в чем, вероятно, сказалось недолгое, но многое определившее в последующем художественном творчестве писательницы обучение психологии в Иркутском университете. И еще одному велению времени последовала Аля Рахманова — написав книгу о своем растущем сыне «Юрка», с ожидаемым подзаголовком «Дневник матери» [Rachmanowa 1933c].

Ильзе Штар подробно, по сохранившимся открыткам из разных городов, восстанавливает поездки Али Рахмановой, быстро ставшей «знаменитой писательницей», с литературными выступлениями. С большим сочувствием автор книги обрисовывает обстановку «целительного мира», каким была для семьи фон Хойер жизнь в Зальцбурге. И, перебивая собственный рассказ, сообщает исторические факты: после аншлюса Австрии Зальцбург стал самым нацистским городом страны, в нем первом начали сжигать книги, «прежде всего еврейских и католических авторов» (S. 112). И. Штар полагает, что религиозное чувство, пронизывающее сочинения Али Рахмановой, объясняет тот драматический поворот в ее писательской карьере, когда и ее творчество стало «нежелательным». В этот момент Аля Рахманова работала над «трагедией любви» Толстого (и «Сони Толстой», конечно), было подготовлено уже около четырех тысяч машинописных страниц текста, еще семьсот ждало перевода и перепечатки. Неожиданно издательство потребовало исключить всю религиозную тематику из книги, невзирая на то, что Толстой всю жизнь был погружен в вопросы веры и в изучение Евангелия. Даже название

«Нет в мире виноватых» следовало изменить как противоречащее установкам имперского министерства народного просвещения и пропаганды (S. 126–127). Пришлось проститься с мечтами об экранизации «Молочницы из Оттакринга». Муж утешал: «Главное, что мы все трое вместе, а любит тебя доктор Геббельс или нет, не так уж важно» (S. 128).

Тем не менее это было важно: на пути в очередное литературное турне, в Бреслау (Вроцлав) и Гёрлиц, Алю Рахманову развернули назад. Все быстро закончилось, словно фильм стали перематывать на другую катушку — ярлык «нежелательная» в Германии был первым шагом на пути к концлагерю. Кончились литературные выступления, книги Али Рахмановой убрали с библиотечных полок, о ней перестали писать в газетах, независимые издательства, количество которых сильно уменьшилось, не торопились печатать ее новые произведения. Что самое поразительное — это изменившееся отношение писательницы к дневнику. Аля Рахманова пыталась вести его, как и прежде, но страх, что могут обыскать дом и найти дневник с его критическими страницами против гитлерюгенда, против национал-социализма и его антихристианской природы, «сдерживал перо» (S. 131). Больше из-под этого пера не выйдет ни одного романа в дневниковой форме, отражающего опыт женщины во время бури и натиска... натиска на Восток.

«После начала войны режим бойкотировал ее книги. Аргументом служил немецко-русский пакт о дружбе, — полагает Ильзе Штар. — <...> Аля Рахманова оказалась в изоляции, началась внутренняя эмиграция». Испытанный писательский ход: прежде чем сообщить, как нацисты выдавливали Алю Рахманову из культурно-интеллектуальной жизни Зальцбурга, Австрии, Третьего рейха, И. Штар излагает вкратце ужасы советской цензуры («почта, газеты и телеграф под контролем Чека», S. 133). А дальше приводит небольшую хронологию из жизни ее героини: в 1938 г. все произведения Али Рахмановой попали в список «нежелательных книг» и были изъяты из общественных библиотек; в 1939 г. ее книги следовало убрать из личных библиотек, их реклама и само упоминание о писательнице были запрещены. В 1941 г., с началом войны с Советским Союзом ограничения только усилились, поскольку на русскую литературу был наложен полный запрет, действовавший до 1945 г. Англо-американские союзники (!) продолжили в Германии запрет до 1948-го, а в Австрии даже до 1950 г. Это огромный, в сущности, срок, чтобы новые поколения ничего не узнали о писателе, любимом и популярном во времена их родителей.

Рисуя трагический образ изгойки, рассказывая о психических проблемах и лечении в клиниках и санатории, Ильзе Штар опустила известную ей — судя по приведенной библиографии — историю с появлением одной из книг Али Рахмановой во время войны «в самом логове фашистского зверя». Эту историю, замечательную с разных точек зрения, распутали Г. Риггенбах и Р. Марти [Riggenbach, Marti 2008]. Хотя исследователей больше занимали текстологические вопросы, им удалось прояснить эпизод с «пиратским» изданием книги А. Рахмановой в тот период, когда ее родина вела Великую Отечественную войну. Осенью 1941 г., пусть и нежелательным для писательницы образом, ее книга «Студенты, любовь, Чека и смерть» была в первый и последний раз опубликована на родном языке и рас-

пространялась среди прочей пропагандистской литературы на оккупированной территории Советского Союза [Rachmanowa 1941].

Свидетельства этой истории сохранил дневник А. Рахмановой за 1943 г. Прочитываем его по публикации в швейцарском научном журнале [Riggenbach, Marti 2008, S. 198–199]: «Это известие совершенно перевернуло мне всю душу. Я так мечтала о том моменте, когда моя книга появится на русском языке. И вот этот момент настал и принес мне только горе и разочарование». Однако писательницу не волнует манипулирование нацистов с ее книгой «в занятых областях России», ее волнует другой вопрос: «Кто перевел мою книгу с немецкого языка на русский? Ведь манускрипт был написан мною на русском языке...» И далее: «Я в отчаянии, я в горе!» — почему? — потому что «текст искажен совершенно». «На книге стоит Александра Рахманова, но это не моя книга, — отрекается от единственного русского издания писательница. <...> В каком виде книга моя попала на мою родину?» Задето авторское самолюбие, а вовсе не патриотические струны: «Почему не обратились ко мне за русским манускриптом?» Современные исследователи констатируют: «Она чувствовала себя задетой, поскольку не считалась с ее интеллектуальной собственностью». Однако А. Рахманову не смутило, что ее книгой воспользовалась нацистская пропаганда. С 1941 г. роман распространялся в виде брошюры, позже, под заглавием «Рай или ад», был рекомендован к переводу на национальные языки на всей территории, подконтрольной Третьему рейху, среди союзников и среди врагов. Документы министерства пропаганды подтверждают, что в целях усиления нацистской, антибольшевистской агитации на оккупированной территории Советского Союза настоятельно рекомендовалось, среди прочего, перевести книгу Рахмановой⁹. В 1943 г. была переведена вторая часть трилогии («Браки в красном вихре») и издана под литерой А. вместо имени автора.

Осталось рассказать о том, что Ильзе Штар озаглавила кратко: судьба. Беззаботность довоенной жизни, успех, бездумное смешение церквей и слияние языков неожиданно обернулось страшной драмой — участием в войне и гибелью сына, Александра фон Хойера. Эти страницы биографии Али Рахмановой, вернее — конец этой биографии — И. Штар воссоздает с большой проникновенностью. Гражданская война не закончилась, русский народ был расколот, и эмиграции предстояло совершить свой выбор, вновь словно призванный раскрыть знаменитые «бездны» в русской душе: Мать Мария (Скобцова) и казачий атаман П.Н. Краснов... И ведь оба горячо любили родину... Горячо любила ее и Аля Рахманова. Для ее сына война с Россией «означала катастрофу» (S. 149). Через несколько часов после

⁹ Статья немецкого и швейцарского славистов посвящена главным образом взаимоотношениям автора с «обратным», весьма небрежным переводом своей книги, с иностранного языка на ее родной (А. Рахманова получила экземпляр книги и весь его испещрила пометами, замечаниями, записями). К сожалению, остается неизвестным имя переводчика — был ли это русский немец, выехавший после революции из России? Прибалтийский немец или живший в Германии русский эмигрант? Исследователи замечают, что, по всей видимости, переводчик был нетверд в обоих языках. Их предположения простираются еще шире — украинец? HiWi (Hilfswilliger, добровольный помощник) вермахта на оккупированных территориях? Во всяком случае, владение обоими языками не спасло перевод от «гротескных ошибок» [Riggenbach, Marti 2008, S. 211]. Может быть, переводчиков было двое или даже больше?

объявления войны по радио «Юрку», имевшего диплом переводчика с русского языка, вызвали по телефону в Берлин. О войне в России, навещающая родителей во время отпусков, он рассказал только одно: как только он ступил на русскую почву, «сразу почувствовал, как много <в нем> русского» (S. 150).

Насколько для А. фон Хойера нестерпимо было лежать в окопе и целиться в лоб своего «брата», он родителям не рассказывал, а дневников, к сожалению, не писал. На какое-то время, после ранения, ему удалось выбраться в Берлин, начать учиться медицине... но вермахту в конце войны остро не хватало солдат. 1 апреля 1945 г. двадцатипятилетний сын фон Хойеров погиб в бою под Веной, защищая австрийскую столицу от наступления Красной — русской — армии. В 1947 г. он был первым из семьи перезахоронен в фамильной усыпальнице фон Хойеров на коммунальном кладбище Зальцбурга. Ему Аля Рахманова посвятила книгу «Один из многих» (Zürich, 1947).

И. Штар не смогла найти объяснений, почему Арнульф и Галина фон Хойер бежали из Зальцбурга. Их настоятельно просил об этом при последнем свидании сын. Но Зальцбург не был оккупирован русскими, Аля Рахманова не была повинна в пиратском издании ее книги. О деятельности ее мужа во время войны биограф не пишет, хотя, возможно, именно ему не следовало оставаться на милость победителей (Зальцбург отошел к американцам). Во всяком случае, началось новое изгнание — бросив все, в том числе обожаемых собак и кошек, литературная пара ушла из Зальцбурга, чтобы попытаться счастья на швейцарской границе. Когда надежд перейти ее почти не осталось, какой-то пограничный чиновник вдруг взгляделся в лицо измученной немолодой беженки: «Вы — Аля Рахманова? Я читал все ваши книги!» И путь в Швейцарию был открыт.

Там и прошли еще почти полвека жизни Али Рахмановой. Вместе с мужем они писали теперь литературные биографии, собрали солидную библиотеку, вели переписку с читателями, серьезно собирали материал для каждой книги... Они не пользовались большим спросом, но кто бы ни становился героем биографического повествования — Пушкин, Тургенев или Достоевский, речь неизменно шла о любви и о литературе... Только однажды выбор героя был сделан Арнульфом фон Хойером: страстный любитель музыки, составивший огромную коллекцию пластинок с записями классики, он внес все свои музыкальные знания, весь свой любительский опыт в биографию П.И. Чайковского — «Судьба и творчество». Однако выхода этой книги в 1972 г. не дождался — в 1970 г. его не стало.

Жизненный круг сужался, но неизменным оставалась преданность дневнику. Писать — значило для Али Рахмановой преодолеть: страх, горе, болезни... Среди ее разрозненных бумаг, не сгодившихся для официального архива, переданного вместе с библиотекой и собранием пластинок в кантональную библиотеку Фрауэнфельда (в этом небольшом городке местное издание выпускало ее послевоенные книги), И. Штар обнаружила запись, свидетельствующую о том, какое место в жизни Али Рахмановой занимала не столько литература, сколько существование в образе писательницы: «Я была десять лет под запретом в Германии, одиннадцать — в Австрии. Это была не жизнь, а мука» (S. 214). Долгая жизнь Али Рахмановой завершилась в собственном швейцарском домике, на

месте которого сейчас стоят новые дома и памятный гранитный обелиск в ее честь. Но жизнь писательницы продолжается и после смерти. Круг почитателей помог перезахоронить в родовой усыпальнице в Зальцбурге прах столь дружной семьи. Памятник высится над их общей могилой и ровенькими прочими надгробиями, словно скала — из Альп или с Урала. «Аля Рахманова», писательница» продолжает быть читаемой, переводимой и, с недавних пор, изучаемой (см., например: [Ascione, 2013]). В Австрии и Швейцарии открыто сразу несколько мемориальных досок в ее честь. Сборник рассказов о детстве «Загадки о татарах и истуканах» (1933), сам псевдоним писательницы заставляет некоторых исследователей писать «о глубоком почтении к своей татарской родине по ту сторону религиозных и этнических границ»¹⁰.

Но границы были, и были изгнание, утрата родины, смена стран и языка.

Первая эмиграция — из России в Австрию.

Вторая — из Австрии в Швейцарию.

Третья — перезахоронение, перевоз праха фон Хойеров на фамильное кладбище в Зальцбурге.

Может быть, творчеству писательницы пора вернуться на родину, но не к отеческим гробам, а книгами — к современному читателю? Как это сделала И. Штар: «Я попыталась вернуть Алю Рахманову из эмиграции забвения...» (S. 219). Правда, путь к русскому читателю будет сложнее — для издания ее книг едва ли следует переводить их с немецкого языка, необходимо обратиться к хранящимся в архиве рукописям русских дневников и машинописи романов. В июне 2015 г. вышло в свет новейшее издание, связанное с именем Али Рахмановой: Генрих Риггенбах, много лет изучавший архив писательницы, выпустил том ее дневников, написанных по-немецки в годы Второй мировой войны [Rachmanowa 2015].

Книга И. Штар, как мы уже подчеркивали, не строго научная. Однако заметим, что помимо трех разобранных частей в книге есть и четвертая, «Приложение». Оно состоит из уточнений по завещанию и архивному наследию писательницы, маленького словарика (для уточнения русских и советских понятий) и примечаний, краткой биографической канвы, библиографии книг А. Рахмановой, литературы о ней, выдержек из современной ей газетно-журнальной критики и списка личных имен. Все очень сжато, в минимализированной форме, но все это упрощает пользование изданием и помогает ориентироваться в содержащемся в нем весьма разнообразном материале. Книга завершается страницей «благодарности» всем, кто помог изданию состояться. И сама Ильзе Штар, так много сделавшая, чтобы вернуть из забвения оригинальную и неоднозначную фигуру русской немецкой писательницы, заслуживает прежде всего благодарности.

И еще одна благодарность — наша личная — Анне Голиковой и Михаилу Архирееву, которые привлекли наше внимание к судьбе и творчеству Али Рахмановой.

¹⁰ <http://www.tatarlar-deutschland.de/2009/08/24/alya-rahmanova-molochnica-s-urala/> Мисте Хопп-Рике, Берлин «Аля Рахманова, молочница с Урала».

Литература

- Вульф 2009 — Вульф В. Дневник писательницы. М., 2009.
- Казак 1988 — Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / пер. с нем. Лондон, 1988.
- Переписка П.Н. Краснова 2013 — Переписка П.Н. Краснова с А.Н. Амфитеатровыми / публ. Ж. Шерона // Новый журнал. 2013. № 272. С. 131–168.
- Ascione 2013 — Ascione S. Жизнь и творчество Али Рахмановой (1898–1991) // Zborník Mladá rusistika — nové tendencieatrendy II. Bratislava, 2013. S. 139–146.
- Gebauer 2004 — Gebauer K. Mensch sein, Frau sein. Autobiographische Selbstentwürfe russischer Frauen aus der Zeit des gesellschaftlichen Umbruchs um 1917. Frankfurt a/M., 2004. 260 S.
- Rachmanova 2010 — Rachmanova A. Une crémère russe à Vienne: journal d'une émigrée (1925–1927) / trad. du russe par Chantalle Brun Keris <ошибочно указано: перевод с русского>. Paris: Payot & Rivages, 2010.
- Rachmanovová 2013 — Rachmanovová A. Mliekarkaz Ottakringu: (denníky 1925–1927) / z německého orig. přel. Z. Demjánová. Bratislava: Premedia, 2013.
- Rachmanowa 1931 — Rachmanowa A. Symphonie des Lebens (Meine russischen Tagebücher) <Симфония жизни. (Мои русские дневники)>. Studenten, Liebe, Tscheka und Tod. Tagebuch einer russischen Studentin <Студенты, любовь, Чека и смерть. Дневник русской студентки>. Salzburg: Pustet, 1931. 447 S.
- Rachmanowa 1932 — Rachmanowa A. Ehen im roten Sturm <Браки в красную бурю>. Salzburg: Pustet, 1932. 412 S.
- Rachmanowa 1933a — Rachmanowa A. Milchfrau in Ottakring: Tagebuch einer russischen Frau. Die deutsche Übersetzung nach dem russischen Urschrift besorgt Arnulf von Hoyer <Молочница из Оттакринга: Дневник русской женщины. Немецкий перевод с русского рукописного оригинала осуществил Арнульф фон Хойер>. Salzburg: Pustet, 1933. 332 S.
- Rachmanowa 1933b — Rachmanowa A. Geheimnisse um Tataren und Götzen. Erlebnisse einer jungen Russin aus der Ural <Загадки о татарах и истуканах. Рассказы уральской девочки>. Salzburg; Leipzig: Pustet, 1933. 171 S.
- Rachmanowa 1933c — Rachmanowa A. Jurka. Tagebuch einer Mutter <Юрка. Дневник матери>. Salzburg: Otto Müller, 1933. 402 S.
- Rachmanowa 1935 — Rachmanowa A. Die Fabrik des neuen Menschen <Фабрика новых людей>. Salzburg; Leipzig: Pustet, 1935. 413 S.
- Rachmanowa 1937 — Rachmanowa A. Tragödie einer Liebe: Roman der Ehe Leo Tolstoj's <Трагедия любви: Роман о браке Льва Толстого>. Salzburg; Innsbruck; Leipzig: O. Müller, 1937. 576 S.
- Rachmanowa 1939 — Rachmanowa A. Wera Fedorowna. Der Roman einer russischen Schauspielerin <Вера Федоровна. Роман о русской актрисе>. Salzburg; Leipzig: Pustet, 1939. 406 S.
- Rachmanowa 1941 — Rachmanowa A. Zwiegespräch mit der GPU <Общение с ГПУ>. Berlin: Europa-Verlag, 1941.
- Rachmanowa 1947a — Rachmanowa A. Einer von vielen <Один из многих>. Zürich: Rascher, 1947. Bd 1: Der Aufstieg <Подъем>. 367 S.; Bd 2: Das Ende <Конец>. 377 S.
- Rachmanowa 1947b — Rachmanowa A. Das Leben eines grossen Sünders (Ein Dostojewski-Roman) <Житие великого грешника (Роман Достоевского)>. Einsiedeln, Zürich: Benziger & Co 1947. 2 Bd.
- Rachmanowa 1950 — Rachmanowa A. Ssonja Kowalewski. Leben und Liebe einer gelehrten Frau <Софья Ковалевская. Жизнь и любовь образованной женщины>. Zürich: Rascher, 1950. 352 S.

- Rachmanowa 1951 — *Rachmanowa A.* Jurka erlebt Wien <Юрка знакомится с Веной>. Zürich: Rascher, 1951. 297 S.
- Rachmanowa 1952 — *Rachmanowa A.* Die Liebe eines Lebens: Iwan Turgenjew und Pauline Viardot <Любовь всей жизни: Иван Тургенев и Полина Виардо>. Frauenfeld: Huber, 1952. 398 S.
- Rachmanowa 1954 — *Rachmanowa A.* Die falsche Zarin. Prinzessin Elisabeth Tarakanowa, Rivalin Katharinas der Großen <Самозваная царица. Княжна Елизавета Тараканова, соперница Екатерины Великой>. Frauenfeld: Huber, 1954. 299 S.
- Rachmanowa 1957 — *Rachmanowa A.* Im Schattendes Zarenhofes: Die Ehe Alexander Puschkins <В тени царского двора: Брак Александра Пушкина>. Frauenfeld: Huber, 1957. 392 S.
- Rachmanowa 1961 — *Rachmanowa A.* Ein kurzer Tag: Das Lebendes Arztes und Schriftstellers Anton Pawlowitsch Tschschow <Короткий день: Жизнь врача и писателя Антона Павловича Чехова>. Frauenfeld: Huber, 1961. 439 S.
- Rachmanowa 1963 — *Rachmanowa A.* Tiere begleiten mein Leben <Звери — спутники моей жизни>. Frauenfeld: Huber, 1963. 168 S.
- Rachmanowa 1964 — *Rachmanowa A.* Die Verbannten: Frauenschicksale in Sibirien zur Zeit Nikolajs I. <Ссылъные (Декабристы): Судьба женщин в Сибири в царствование Николая I>. Frauenfeld: Huber, 1964. 349 S.
- Rachmanowa 1972 — *Rachmanowa A.* Tschaikowskij: Schicksal und Schaffen <Чайковский: Судьба и творчество>. Luzern: Schweizer Volks-Buchgemeinde. 1972. 448 S.
- Rachmanowa 2006 — *Rachmanowa A.* Milchfrau in Ottakring: Tagebuch eine russischen Frau. 5 Auflage. Mit einem Vorwort von Dietmar Grieser. Wien: Amalthea Signum Verlag, 2006. 296 S.
- Rachmanowa 2013 — *Rachmanowa A.* Milchfrau in Ottakring: Tagebuch eine russischen Frau. Mit einem Vorwort von Dietmar Grieser. Wien, 2013. 5. Auflage.
- Rachmanowa 2015 — *Rachmanowa A.* Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön: Tagebücher 1942 bis 1945 / hrsg. von H. Riggenbach. Salzburg: Otto Müller, 2015.
- Riggenbach 1998 — *Riggenbach H.* Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer): Werke, Briefe, Tagebücher. Frauenfeld: Thurgauische Kantonsbibliothek, 1998.
- Riggenbach 2010 — *Riggenbach H.* Der Nachlass von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer) in der Kantonsbibliothek Thurgau. Zürich: Jan Dusek, 2010.
- Riggenbach, Marti 2008 — *Riggenbach H., Marti R.* «На книге стоит “Александра Рахманова”, но это не моя книга». Eine Raubübersetzung und ihre Kritik // Contributions suisses au XIVe congrès mondial des slavistes à Ohrid. Bern: Peter Lang, 2008. S. 197–214.